

Профессор А. А.
Сокольский – русский
эмигрантизм Литвы,
переписавший
историю флоридского
«Санкт-Петербурга»

Марцинкявичюс, Андриус

Профессор А. А. Сокольский – русский эмигрантизм Литвы,
переписавший историю флоридского «Санкт-Петербурга»

Literatūra, vol. 64, núm. 2, 2022

Vilniaus Universitetas, Lituania

Disponible en: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=695174027001>

DOI: <https://doi.org/10.15388/Litera.2022.64.2.1>

Esta obra está bajo una Licencia Creative Commons Atribución 4.0 Internacional.

Профессор А. А. Сокольский
– русский эмигрант из Литвы,
переписавший историю флоридского
«Санкт-Петербурга»

Professor A. A. Sokolsky – A Russian Emigrant from
Lithuania Who Rewrote the History of Saint-Petersburg in
Florida

Profesorius A. Sokolskis – rusų kilmės emigrantas iš Lietuvos,
perrašęs Floridos „Sankt-Peterburgo“ istoriją

Андрюс Марцинкявичюс andrius@ces.lt

Отдел этнических исследований Институт социологии
Литовский центр социальных наук, Lituania

 <https://orcid.org/0000-0001-5871-4311>

Literatūra, vol. 64, núm. 2, 2022

Vilniaus Universitetas, Lituania

Recepción: 19 Enero 2022
Aprobación: 20 Junio 2022

DOI: [https://doi.org/10.15388/
Litera.2022.64.2.1](https://doi.org/10.15388/Litera.2022.64.2.1)

Redalyc: [https://www.redalyc.org/
articulo.oa?id=695174027001](https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=695174027001)

Резюме: В статье рассматриваются биография и общественная деятельность русского политического беженца из Литвы, юриста, профессора русского языка и литературы университета Южной Флориды Анатолия Сокольского (1903–2006). Материалом для исследования служат воспоминания и статьи, опубликованные им в период жизни в США. В качестве вспомогательных источников использовались документы из Центрального государственного архива Литвы и личного архива семьи Сокольского. История, творческое и литературное наследие русских интеллигентов, бежавших из Литвы от советской власти во время Второй мировой войны (1939–1945), редко подвергаются научному анализу. Исследование публицистики Сокольского, хотя оно и не относится к профессиональному творчеству, позволяет взглянуть не только на личную судьбу и мировоззрение автора, плоды его общественной деятельности в пользу русской диаспоры, но и восполнить картину жизни русских интеллигентов Литвы в межвоенный период, а также во время Второй мировой войны и эмиграции на Запад.

Ключевые слова: Анатолий Сокольский, диаспора, Литва, США, воспоминания, периодика.

Abstract: The article explores biography and various aspects of public activity of the Russian refugee from Lithuania, lawyer, professor of Russian language and literature at the University of South Florida Anatole Sokolsky (1903–2006). Memoirs and articles published by him in the USA were used as the basic empirical material and the documents from the Lithuanian Central State Archive and private collection of the Sokolsky family served as auxiliary sources for the research. There is a lack of studies that analyze the history of representatives of Russian intelligentsia who were forced to escape Lithuania in the period of World War II (from 1939 to 1945) because of the danger of the Soviet regime. Publications by Sokolsky do not represent an example of professional literature, but it allows us to find out more not only about personal destiny and worldview of the author, the results of his social activities in favor of the Russian diaspora, but also about the life of Russian intelligentsia in the periods of interwar, World War II and emigration to the West.

Keywords: Anatole Sokolsky, diaspora, Lithuania, USA, memoirs, periodicals.

Summary: Straipsnyje nagrinėjama Antrojo pasaulinio karo laikotarpio rusų kilmės emigranto iš Lietuvos, teisininko, Pietų Floridos universiteto rusų kalbos ir literatūros profesoriaus Anatolijaus Aleksejevičiaus Sokolskio (1903–2006) biografija ir visuomeninė veikla. Tyrimo empirinį pagrindą sudaro šios žmogaus gyvenimo JAV laikotarpiu publikuoti atsiminimai ir straipsniai. Kaip pagalbiniais šaltiniais remtasi Lietuvos centrinio valstybės archyvo ir privataus Sokolskių šeimos archyvo dokumentais. Antrojo pasaulinio karo laikotarpiu (1939–1945 m.) bėgusių iš Lietuvos nuo sovietinės valdžios rusų kilmės inteligentų istorija, kūrybinis ir literatūrinis palikimas mažai tyrinėti mokslininkų. Sokolskio publicistika, kuri nors ir yra nepriskirtina profesionaliai kūrybai, leidžia pažvelgti ne tik į autoriaus asmeninį likimą ir pasaulėžiūrą, jo visuomeninės veiklos rusų diasporos naudai rezultatus, bet ir papildyti esamas žinias apie Lietuvos rusų inteligentų gyvenimą tarpukario ir Antrojo pasaulinio karo metais bei emigracijoje Vakaruose.

Keywords: Anatolijus Sokolskis, diaspora, Lietuva, JAV, atsiminimai, periodika.

В биографическом словаре деятелей русской эмиграции в Северной Америке (Александров 2005), опубликованном в России по инициативе общественной организации Конгресс русских американцев, есть фамилия литератора и общественного деятеля, профессора Анатолия Алексеевича Сокольского (Anatole Sokolsky, 1903–2006), который родился в Ковно (нынешнем Каунасе) (Сокольский 2005, 473). Его известности за океаном способствовало исследование, доказавшее, что одноименный со столицей Российской империи город Санкт-Петербург или Сент-Питерсберг в штате Флорида был основан русским иммигрантом Петром Дементьевым (1850–1919) (Там же). Сокольский был автором примерно 10 книг, в том числе учебных пособий по истории русского языка и литературы (Sokolsky 1966, Sokolsky 1970) для американских вузов, биографического очерка о Дементьеве (Сокольский 1988, Sokolsky 1988), мемуаров (Sokolsky 1998), книг о своих путешествиях по Европе и Америке и двух сборников стихов (Сокольский 1975, 1985a). Статьи Сокольского о русской истории, литературе и культуре печатались в газетах «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Русская жизнь» (Сан-Франциско), «Русская мысль» (Париж) и «Новый журнал» (Нью-Йорк) (Александров 2005, 473).

На фоне литературного творчества русской диаспоры наследие политических беженцев русского происхождения из Литвы периода Второй мировой войны в целом невелико. Численность таких беженцев оценивается историками в несколько сотен человек (Potašenko 2013, 99), хотя этот вопрос требует более тщательного исследования. Среди беженцев были бывшие чиновники и офицеры, дворяне, представители гуманитарных и технических профессий, студенты (Marcinkevičius 2020, 61–81). Профессиональных литераторов среди беженцев не было. Тем не менее отдельные личности печатались в эмигрантских газетах или журналах либо оставили после себя мемуары: например, воспоминания художника и сценографа Мстислава Добу-

Семья Алексея Артемьевича Сокольского (сидит в центре): слева – жена Евгения, справа – сноха Евгения, в верхнем ряду (слева направо) – сыновья Евгений, Георгий, Анатолий, Михаил (нач. 1930-х гг.). Личный архив Пьера Сокольского

жинского (Добужинский 1987), архимандрита Русской зарубежной церкви Алексия (Черная 1981), а также воспоминания о российском реформаторе и владельце имения Калнабарже Петре Столыпине, написанные его дочерью Марией Бок (Бок 1953). Автором большого исторического труда «Император Николай II и Генерал-адъютант М. В. Алексеев» стал убежденный монархист, выпускник Юридического факультета Университета им. Витаутаса Великого, преподаватель русского языка и литературы Северо-Аризонского университета Виктор Кобылин (Кобылин 1970; Прянишников 1987). С эмигрантскими военными журналами сотрудничал Владимир Бастунов-Корчинский – участник Первой мировой войны, артист Пражской труппы МХТ, актер и режиссер русских театров в Ковно и Нью-Йорке, тещ, руководитель и редактор литературных передач на радиостанции «Голос Америки» (Волков 2008; Жиглевич 1979).

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы раскрыть биографию и мировоззрение профессора Анатолия Сокольского посредством исследования его литературного наследия. Материалом для исследования послужили мемуары и некоторые статьи, опубликованные в США на русском и английском языках под авторством Сокольского, поскольку на сегодняшний день в Литве доступно не все его наследие. Этот материал отражает исторические события, повлиявшие на формирование личности и жизненных ценностей Сокольского, а также свидетельствует об отношениях автора с русской диаспорой, его личном вкладе в развитие ее общественной и культурной жизни. В качестве вспомогательных источников, которые позволяют рассмотреть воспоминания Сокольского в контексте различных исторических событий, использовались документы Центрального государственного архива Литвы и личного архива семьи Сокольского.

Жизненный путь Сокольского не является чем-то уникальным на фоне бурной истории русской диаспоры первой половины XX в. Что касается его публицистики, то ее следует оценивать не как профессиональное творчество, а как форму самовыражения политического беженца или представителя так называемой «потерянной России», знакомого по личному опыту с жизнью России военных и революционных лет, бытием русской эмиграции в межвоенной Литве, послевоенной Франции и США, считавшего своим долгом участвовать в сохранении русской культуры в Русском зарубежье. Большинство своих книг Сокольский издал за скромные средства в Сент-Питерсберге, где с начала 1950-х сформировался эмигрантский культурный очаг. Наибольший интерес для данной статьи представляют фрагменты жизни и публицистики Сокольского, связанные с Литвой (Сокольский 1984а, 1985б). Они свидетельствуют об идентичности и судьбе той части русских межвоенной Литвы, которые в результате Второй мировой войны рассеялись по разным уголкам света.

Образ беженцев русского происхождения из Литвы периода Второй мировой войны (в том числе литовских граждан, русских эмигрантов второй и третьей волны) не имеет четкого отражения как в современном литовском национальном историческом нарративе, так и в историческом нарративе русских Литвы. Помимо политических факторов, забвению этих людей в общественном дискурсе способствовало то, что ввиду своей малочисленности они не составляли на Западе самостоятельной группы беженцев: в процессе адаптации к новым условиям жизни русские из Литвы предпочитали интеграцию с литовским или русским (православным) культурным пространством. Публицистика Сокольского – редкий пример того, как в одном историческом рассказе присутствуют ностальгия по дореволюционной России, сантименты по независимой Литве, долг по сохранению русской культуры за рубежом и ненависть к коммунистической идеологии.

Сокольский родился 29 октября 1903 г. в православной семье личного дворянина Ковенской губернии, губернского секретаря и счетного чиновника Ковенской контрольной палаты Алексея Сокольского (1876–1933) (Выпись... 1903). Жил он в Ковно в семейном доме на Зеленой горе с отцом и матерью Евгенией, а также братьями Михаилом, Георгием и Евгением. Дом построил в конце 1870-х его дед Артемий Сокольский (ум. в 1911 г.), состоявший в браке с дворянкой Марией Франциской Корибут-Дашкевич. В «Памятной книжке Ковенской губернии» последний упоминается в качестве делопроизводителя Строительного отделения Ковенской губернии, заведующего делопроизводством Губернского присутствия по обеспечению быта православного духовенства, чиновника Губернского присутствия по крестьянским делам и председателя Св. Андреевского приходского попечительства (Памятная книжка 1881; 1896).

Хронологически публицистика Сокольского охватывает прежде всего его воспоминания о жизни в дореволюционной России, сюжеты и впечатления раннего

Анатолий Сокольский (в центре на втором ряду) с членами Ковенской дружины русских скаутов (1-я половина 1920-х гг.) Личный архив Ярослава Окулич-Казарина

детства. К этому времени следует отнести и главы мемуаров Сокольского, рассказывающие об эвакуации его семьи из Ковно и жизни в центральной части России с 1915 по 1921 год, знакомстве с ее историческим, архитектурным, культурным и природным наследием, а также о тяготах, связанных с политическим кризисом после Октябрьской революции и во время Гражданской войны. Судя по воспоминаниям, события этого времени оказали значительное влияние на формирование социальной и личностной идентичности Сокольского, характерной для многих русских эмигрантов второй волны. Вспоминая в США о своем детстве, Сокольский отмечал свою веру в военную мощь Российской империи. Это чувство в нем подкрепляли наблюдения за войнами Ковенской крепости, где служил в ранге полковника его отец:

В центре города Ковно стоял удивительный русский православный Петропавловский собор в стиле византийской архитектуры. Я помню военные парады в сквере у собора. Они казались такими чудесными и оказывали на меня большое впечатление. Я до сих пор помню огненные речи комендантов и «ура» от воинов в ответ. Романтика военной жизни овладела моим сердцем. Артиллерийская батарея была устроена близко к нашему дому, и я уже тогда был убежден, что Россия является большой силой, которая способна защитить себя от врагов (Sokolosky 1998, 6–7).

Будучи мальчиком, он не подозревал, какая печальная судьба ждет крепость в начале Первой мировой войны.

Когда начались военные действия, семья Соколовских эвакуировалась в Псков, а с 1915 по 1921 г. жила в Ярославле. «Еще мальчиком» Соколовский «увидел впервые

Анатолий Сокольский (в верхнем ряду второй слева) с бойскаутами и герлскаутами Ковенской дружины русских скаутов (2-я половина 1920-х гг.). Личный архив Ярослава Окулич-Казарина

вечную живую красоту древней Руси». Помимо старинных городских стен и башен, Поганкиных палат, Свято-Троицкого кафедрального собора и Псковского Кремля, он вспоминал также о большом рыбном рынке, где «где продавались как свежая, так и копченая рыба» (Сокольский 1984а, 2–3).

В Пскове Сокольский жил недалеко от железнодорожной станции, вблизи огромных каменных казарм, поэтому мог наблюдать за тем, как отправлялись на Западный фронт пехотные полка Российской армии:

...служили молебн, а затем 16 рот со знаменем под звуки оркестра стройно, кра- сиво и молодежато маршировали по улице, ведущей к вокзалу. Я любовался сол- датской выправкой, лесом штыков и с гордостью тогда наполнялась моя грудь, глядя на уходящих на войну воинов, и героическое прошлое Пскова сливалось в моем детском сознании с героическим настоящим России (Сокольский 1984а, 3).

Ярославль, где Сокольский «впервые увидел красавицу матушку Волгу, широкую, величавую, полную какого-то особого обаяния», он считал одним из самых красивых волжских городов. Здесь состоялось его знакомство с идеологией большевиков, но «возрастающее число арестов, расстрелов, а также закрытие церкви постепенно породило во мне активного противника коммунизма» (Сокольский 1984а). С 6 по 21 июля 1918 г. Сокольский стал свидетелем Ярославского антибольшевистского восстания. Во время артиллерийского обстрела города красноармейцами сгорел дом, в котором жила его семья, и Сокольским вместе с другими гражданскими пришлось прятаться пару недель за высокой железнодорожной насыпью (Сокольский, 1984а, 6–7). Во время этих событий в Ярославле была разрушена треть жилых домов, десятки предприятий, учреждений и храмов, погибли и были расстреляны

около 2000 человек (Соловьев 2018). Последовал голод, террор и холод, запомнившийся Сокольскому:

В годы революции зима стала страшным наказанием. Квартиры не отапливались из-за отсутствия топлива. Сидели целыми днями в пальто, ноги и руки окоченева- ли. У нас в одной комнате поставили железную печку- буржуйку, которую изред- ка немного подтапливали, отмораживались руки и ноги. Они распухали, краснели, чесались, а иногда появлялись трещины на коже. Такой же холод был и в школах (Сокольский 1984а, 7).

Однажды он украл с голоду чей-то картофель из коммунальной кухни. Когда не было хлеба, семья получала по карточкам «дуранду» – «что-то вроде корма для скота». Негативно оценивалась Сокольским деятельность Союза воинствующих атеистов и большевистская реформа образования, заставшая его во время учебы в Ярославской гимназии им. Александра I Благословенного (Sokolsky 1998, 19).

В Ярославле семья Сокольских посещала известный своими фресками храм Николы Мокрого. Но самое сильное впечатление у автора мемуаров оставили богослужения в Спасо-Преображенском монастыре в 1920 г., которые возглавлял патриарх Московский и всея России Тихон (Беллавин):

...мне запомнилось его лицо, преисполненное духовности и твердости. Рядом с ним стоял, как скала негибемый, суровый митрополит ярославский Агафангел. В полумраке горели многочисленные свечи и лампы, а со стен смотрели древние лики святых. Торжественности богослужения способствовал красивый мощный бар- хатный бас патриаршего протодиакона и чудное пение двух хоров. Патриарх был окружен многочисленным духовенством. Тогда я почувствовал всем своим юным существом красоту русского православного богослужения и любовь к церкви сохра- нил на всю жизнь (Сокольский 1984а, 4).

В Ярославле внимание Сокольского привлек Волковский театр, благодаря кото- рому, по его словам, «впервые появился у меня живой интерес к театру, здесь был разбужен мой театральный инстинкт» (Сокольский 1984а, 9). На сцене этого театра в годы революции выступали поэты В. Хлебников и В. Каменский. В сентябре 1919 г. 16-летний Сокольский посетил Москву, где в сопровождении своего дяди осмотрел древние памятники и побывал в Большом Театре на «Борисе Годунове». О театре он отозвался с восхищением: «Огромный зрительный зал, красный бархат, зажженные красивые люстры, замечательные декорации на сцене и прекрасные голоса артистов привели меня в восторг. Все, что я видел в театре, было полным контрастом с жизнью вне театра». Во время визита в Третьяковскую галерею его впечатлили картины И. Репина и В. Сурикова (Там же).

Как уроженцы Ковно члены семьи Сокольских в 1921 г. получили право на возвращение в Литву. Однако ситуация в городе существенно изменилась, если сопоставить ее с довоенной. После присоединения Вильно и Виленского края к Польше

Ирина Сокольская с детьми председателя Сейма Литвы К. Шакениса – дочерью Ритой и сыном Ромуальдасом (конец 1930-х гг.). Личный архив Пьера Сокольского

Ковно с 1920 по 1939 г. взял на себя роль политического, социального и культурного центра Литовского государства. Численность русского населения сократилась по сравнению с предвоенным периодом в несколько раз. По данным переписи населения 1923 г., в Ковно жили 2914 русских (3,3 проц.), без учета нескольких сотен лиц русской национальности «без гражданства» и граждан других стран. Сохранению их этнической идентичности до 1940 г. способствовали общественные организации, старообрядческие и православные приходы, а главным центром русской культуры и просвещения была частная Русская гимназия Общества преподавателей, которой руководил Александр Тыминский (1884–1959) (см.: Kasatkina, Marcinkevičius 2009). Поэтому важное место в публицистике Сокольского занимает сюжеты о бытии русских в межвоенной Литве.

Об их жизни почти ничего не было известно в советской Литве, но читатели русской эмигрантской печати на Западе могли получить о ней представление благодаря Сокольскому. С одной стороны, в его текстах приводится характеристика русской интеллигенции, по разным причинам оказавшейся в Литве после Первой мировой войны и представлявшей из себя как русское национальное меньшинство, так и русских эмигрантов первой волны. С другой стороны, в публицистике Сокольского есть сведения о личном вкладе автора в общественную жизнь русской общины в Ковно. Сокольский подчеркивал позитивную роль представителей русской эмиграции в развитии общественной и культурной жизни Литвы и крайне негативно отзывался об установлении советской власти и введении на территорию Литвы Красной армии, уничтожении общественных институтов ковенского русского населения.

Отметим, что с 1921 г. Сокольский семь лет учился в Ковенской русской гимназии, а в 1928 г. поступил на юридический факультет Литовского Университета (с 1930 г. Университет им. Витаутаса Великого). Из-за смерти отца в 1933 г. семья стала испытывать материальные трудности, поэтому ему пришлось совмещать учебу с работой писаря в Ковенском окружном суде. Тем не менее в 1937 г. Сокольский благополучно защитил дипломную работу «Никола Макиавелли как политик-реалист и социолог» и получил высшее юридическое образование. До 1940 г. он служил в Министерстве юстиции Литвы, но с установлением в Литве советской власти работу потерял (Mažintas 1999). Во время учебы в гимназии и университете Сокольский был активным участником русской общественной и культурной жизни в Ковно, руководителем и членом молодежных (скауты) и студенческих (Объединение русских студентов, корпорации «Рутения» и «Алакритас») организаций (Сокольский 1985).

Участие в скаутском движении играло исключительно важную роль почти во всей жизни Сокольского. По словам Ростислава Полчанинова, бурный рост скаутизма в России приходился на 1916 г. и был связан с подъемом патриотических чувств среди молодежи. Во время Гражданской войны симпатии большинства скаутов были на стороне белых (Полчанинов 1997). Сокольский стал членом этого движения в Ярославле, когда его старший брат Георгий организовал из мальчиков патруль «Медведь». Осенью 1920 г. Сокольский принял участие в нелегальном съезде руководителей скаутской организации России в Москве (Сокольский 1994). Его дружина была вынуждена прятать скаутскую атрибутику, но незадолго до отъезда в Литву, как он вспоминал в конце жизни, «мы тайно встретились в лесу в день св. Георгия, выкопали свои флаги, зажгли костер и во время торжественной церемонии повторили присягу. Это была романтика такого высокого уровня, которую ценит молодежь» (Sokolsky 1998, 45).

В апреле 1922 г. Сокольский организовал дружину скаутов из учеников Ковенской русской гимназии и руководил ею до 1926 г. В нее входил отряд мальчиков, отряд девочек и «стая волчат» от 7 до 10 лет. Члены дружины занимались самообразованием, присматривали за порядком в церкви, приводили в образцовый порядок могилы русских воинов, погибших в Первую мировую войну, устраивали вечера и выставки своих работ, летом организовывали лагеря и ходили в походы (Сокольский 1994). Сокольский был редактором скаутской рукописной газеты «У костра». В 1924 г. в составе литовской делегации он посетил Всемирный слет скаутов в Копенгагене. В столице Дании Сокольский побывал в русской православной церкви, где видел «вдовствующую Императрицу Марию Александровну в сопровождении старого, очень стильного казака в полной казачьей форме» (Sokolsky 1998).

С 1922 г. организацию русских скаутов за границей возглавлял основатель русского скаутского-разведческого движения, полковник

Вооруженных сил Юга России Олег Пантюхов (1882–1973). Русские скауты, принадлежавшие к национальным меньшинствам в соседних с СССР государствах, вынуждены были на автономных началах подчиняться местным организациям (Полчанинов 1997). Это, в частности, подтверждает слова Сокольского о том, что «мы входили в состав Вселитовской Ассоциации Скаутов и одновременно поддерживали тесную связь с русской национальной организацией за границей» (Сокольский 1994). Однако судя по сохранившемуся в личном архиве Сокольского и написанному примерно в 1966 г. письму бывшего барабанщика дружины русских скаутов в Ковно Михаила Бильвайса, который проживал после Второй мировой войны в Германии, русское скаутское движение считало Пантюхова своим идейным лидером наряду с основателем скаутского движения Баден-Пауэллом (Бильвайс б. д.).

О воспитании русских скаутов в Ковно сохранилось мало сведений ¹. Известно, что они читали литературу на русском, немецком и литовском языках. 9–11 августа 1930 г. в Режице (Резекне) проходил съезд представителей русских скаутов из Литвы и Латвии, который высказался за замену части принципов Баден-Пауэлла «основами, соответствующими чертам русского характера» (история и география России, народные танцы и песни, искусство, русские национальные праздники и т.п.), и воспитанием скаута, «борющегося за русскую культуру, в какой бы области не была бы борьба с денационализацией и т.п.». Съезд подчеркнул «необходимость воспитания в русских скаутах соответствующего отношения к цветам: к бело-сине-красному как к эмблеме русской культуры и к серо-оранжевому как к цветам Св. Георгия и Москвы», а также призвал считать родиной каждого русского Россию, «невзирая на паспортные и другие различия» (Ржечицкий 1930). 22 февраля 1937 г. при участии Сокольского был учрежден кружок для поддержки Ковенской дружины русских скаутов ²

Судя по воспоминаниям, важной частью жизни Сокольского в Ковно было посещение спектаклей в Государственном театре. Любовь к театру он унаследовал от своего дяди Константина Сокольского (1878–1937), ветеринарного врача, оперного солиста и театрального критика, писавшего рецензии на спектакли в газеты под псевдонимом «Диез» (Burokaitė 1991). Он доставал билеты для своего племянника на многие спектакли – как в ярославский Волковский театр, так и в ковенский Государственный. По словам Сокольского, его дядя был хорошо знаком со многими артистами и часто принимал их у себя дома, а когда он умер, солисты и хор Государственного театра пели на его похоронах (Sokolsky 1998, 40–41). В этом театре начинал свою карьеру двоюродный брат Сокольского Ростислав Андреев (Rostislavas Andrejevas, 1907–1967), известный оперный солист и режиссер Каунасского музыкального театра (Dvarionaitė 2007). Отметим, что тетя Сокольского Елена Окулич-Казарина (1890–1978) была преподавательницей фортепиано в Ковенской консерватории

(Gedgaudas 2017) и выступала со своим братом Константином на благотворительных концертах в пользу русской и православной общин.

Прожив долгое время в США, Сокольский признавался в своих мемуарах, что скучает по «настоящему театру». В частности, он вспоминал о выступлениях в Ковно оперного певца Георгия Поземковского (1890–1958), а также о постановках режиссера МХТ Михаила Чехова (1891–1955) – спектаклях «Дядя Ваня», «Вишневый сад», «На дне». Незабываемыми оказались и впечатления о спектаклях с участием оперного певца Федора Шаляпина и актера МХТ Василия Качалова.

Сокольский лично наблюдал за участием русских деятелей искусства, в том числе эмигрантов, в работе Государственного театра в Ковно, гордился результатами их творчества:

...балерина Немчинова и балетмейстеры Зверев и Обухов в течение многих лет руководили литовским балетом, и при них он достиг огромных успехов и даже совершал заграничные поездки. Среди молодых балерин литовского государственного балета особенно выделялись русские: О. Малейна, Бабушкина, Свентицкая, Адамович, Калисская. <...> Талантливые русские режиссеры Н. Веков и особенно Ф. Павловский своими блестящими постановками способствовали успеху оперных спектаклей на литовской сцене. Замечательным декоратором, как опер, так и балета, был известный художник М. Добужинский (Сокольский 1984а, 124).

В мемуарах и статьях о Литве Сокольский много внимания уделяет личности бывшего губернатора Ковенской и Виленской губерний Петра Верёвкина (1862–1946), характеризуя его как «выдающегося представителя правящего класса царской России», сделавшего много полезного для литовского общества во времена Российской империи (Sokolsky 1998, 31). 16 сентября 1931 г. Сокольский обвенчался в Ковенской Св. Андреевской церкви с Ириной Бур-Верёвкиной (1913–2005), дочерью младшего брата Петра и Марианны Верёвкиных Всеволода Верёвкина (1870–1924). Гражданки Франции Люси Бур и ее дочь Ирина жили в Литве с 1925 г., зарабатывали себе на жизнь, обучая детей состоятельных людей французскому языку. Во второй половине 1930-х Ирина работала в Ковно няней и учила французскому двух детей литовского инженера, политического и общественного деятеля Константина Шакияниса (1881–1959) (Mažintas 1999).

По словам Сокольского, он с женой часто навещал Петра Верёвкина в имении «Благодать», а во время «многих часов гуляния по тропинкам его имения» узнал «много интересных вещей о его жизни и свидании с царем Николаем II» (Sokolsky 1998, 31). Из сохранившихся в семейном архиве снимков следует, что Сокольский общался также с семьями Натальи Верёвкиной-Арцибушевой (1893–1987) и двоюродного брата Верёвкина, полковника Российской императорской армии и офицера Белой армии Петра Дарагана (1874–1960). Последнего Верёвкин приютил у себя

Встреча членов семей Верёвкиных, Соколовских, Арцибушевых и Дараганов в имении «Благодать» (первый слева в верхнем ряду – Анатолий Сокольский, первая слева во втором ряду – Ирина) (1-я половина 1930-х г.). Личный архив Пьера Сокольского

на несколько лет из-за слабого здоровья. В середине 1920-х гг. Дараган работал в Ковно на строительстве Петрашюнской электростанции, но потом из-за проблем со здоровьем потерял трудоспособность и подрабатывал садовником в городе Утяна. Его сын Николай Дараган окончил при поддержке Верёвкина русскую гимназию в Ковно и работал с середины 1930-х гг. радиотехником на предприятии «Сименс».

Оккупацию (автор употребляет именно этот термин) Литвы летом 1940 г. Сокольский принял болезненно, а свои впечатления от этого события описал в статье под названием «В основе их политики всегда лежали ложь, насилие и коварство...» (Сокольский 1984б). Он оценил последствия оккупации отрицательно не только в отношении литовцев, но и русских, потому что в 1940–1941 гг. были закрыты все русские общественные организации, а «когда начались аресты и депортации в Сибирь, этого не избежали и русские жители Литвы» (Сокольский 1984б). Хотя, по оценке Сокольского, ситуация русских во время немецкой оккупации была также сложной, многие из них боялись перспективы второй советской оккупации: «Когда в 1944 году Красная Армия опять приближалась к Литве, значительная группа русских, оставив все свое имущество, без оглядки бежали на Запад, в Германию и Австрию, а потом, после войны, разбрелась по всему свободному миру» (Сокольский 1984а, 125).

Основной причиной собственного решения покинуть Литву в конце Второй мировой войны Сокольский назвал активные попытки НКВД вовлечь его в свою агентурную сеть. Он не видел себя в роли агента, поскольку считал себя человеком вне политики. В воспоминаниях Сокольский описал давление, оказываемое на его

друзей и знакомых в течение 1940–1941 гг. По его словам, один из знакомых, написавший в анкете, что служил добровольцем в Белой армии, но осознает свою ошибку, решил покончить с собой. В 1944 г. Сокольский с женой Ириной и свекровью бежали из Ковно в Вену, а потом добрались до западногерманского города Фрай-бург-им-Брайсгау. В этих городах он пытался получить работу в университете, но бомбардировка городов союзниками вынуждала менять место жительства и работы. Конец войны застал Сокольского в маленьком городке Тайзерсдорф (Taisersdorf) на земле Баден-Вюртемберг, занятом в 1944 г. французскими войсками.

В отличие от многих «невозвращенцев», с 1945 по 1952 г. Сокольский жил с семьей не в лагере для Ди-Пи, а на окраине Парижа. В его памяти этот период связан с неудачной попыткой приспособиться к местным условиям жизни и с развитием чувства нежеланного иностранца (Sokolsky 1998, 86). Из-за юридических ограничений Сокольскому было сложно устроиться на работу в Париже. По его словам, иностранцы легко получали разрешение только на работу в угольных шахтах. Он же решил стать фотографом, купил необходимое оборудование, но не получил разрешения не только на эту, но и на более простую работу (ретушь фотонегативов). Кроме этого приходилось жить над постоянным надзором полиции. Чтобы избежать депортации, Сокольский даже поступил в Сорбонну, но учиться там не стал (Sokolsky 1998, 79).

В Париже Сокольский искал контакты с русскими эмигрантами. В 1945 г. он вступил во Французский отдел Национальной Организации Русских Скаутов (НОРС) и стал членом штаба. В рамках этой деятельности он познакомился и сотрудничал с самим О. Пантюховым. Близким другом Сокольского стал руководитель Французского отдела, член Белого движения, священник Георгий Бобровский (1900–1958), переехавший в начале 1950-х гг. в США. В Париже Сокольский навещал профессора Владимира Ильина (1891–1974), лекции которого по русской литературе и культуре слушал во время учебы в Университете им. Витаутаса Великого. Профессор показался Сокольскому чем-то озабоченным, а после того, как выслушал рассказ о обстоятельствах установления советской власти в Литве, стал «еще более мрачным». Сокольский считал, что Ильин был готов вернуться в Россию, но после разговора с ним передумал (Sokolsky 1998, 84).

В 1952 г., устав от неудач во Франции, Сокольский с женой и сыном перебрался на пароходе из Роттердама в Нью-Йорк (Sokolsky 1998). По подсчетам историков, в 1940–1950 гг. из Европы в США было доставлено не менее 144 тысяч бывших советских граждан, не считая тех, кто прибыл с фиктивными документами (Marcinkevičius 2020, 65). Толстовский фонд, взявший на себя хлопоты по приему и расселению русских «ди-пи», вместе с другими организациями сделали многое, чтобы облегчить людям адаптацию к новому месту жительства. Историки отмечают, что поначалу им непросто было самоутвердиться в США. Многим пришлось начинать новую жизнь

с непрестижных профессий (шоферы, подсобные рабочие, сторожа и т.д.), но постепенно большинство эмигрантов обустроились. Они нашли свою нишу в американском обществе, нередко с помощью уже существовавших в США русских общественных организаций (Нитобург 2005; Хисамутдинов 2010 и др.).

В мемуарах Сокольского уделяется много внимания опыту адаптации в США, личному и русских эмигрантов в целом. Американское плюралистическое общество казалась Сокольскому более благоприятным для эмиграционной адаптации, чем Франция. Он считал, что русская эмиграция доказала свою жизнеспособность, оставаясь антикоммунистической и лояльной к национальному образу России, приверженной русской культуре, русским традициям, открывающей свободному миру глаза на секретные цели руководителей коммунистической России в сфере международной политики (Sokolsky 1998, 96). Об успешной адаптации за океаном многих русских беженцев Сокольский писал: «Мы американские русские являемся лояльными гражданами США, а наши соотечественники, как Сикорский, Зворыкин, Ипатьев, Баланчин, Набоков, Рахманинов, Стравинский и многие другие, внесли значительный вклад в культуру Америки и представляли позитивные черты русского народа» (Там же).

В возрасте 49 лет Сокольский начал новую жизнь, на этот раз в Нью-Йорке, причем был вынужден взяться за черную работу, как и многие иммигранты из послевоенной Европы. Параллельно он закончил педагогические курсы в Колумбийском университете и получил сертификат, дающий право преподавать русский язык в высших школах США. Поначалу на запросы о работе в американских колледжах он получал отрицательные ответы. Несколько лет Сокольский преподавал русский язык и историю в лагере для детей русских эмигрантов, организованном в окрестностях Нью-Йорка Свято-Серафимовским фондом (лагерем ведал бывший духовник Русской освободительной армии Александр Киселёв (1909–2001)). С помощью женщины, встреченной в этом лагере, Сокольскому удалось получить место преподавателя русского языка в военной школе при Сиракузском университете.

Самый удачный период для Сокольского начался в 1962 г., когда он был приглашен в университет Южной Флориды для участия в бакалаврской программе, включающей курс русского языка, литературы, истории, поэзии и т.п. Здесь он опубликовал книги по истории русского языка (A History of Russian Language, 1966) и литературы (Russian Literature of the XI–XX Centuries, 1970). В 1970-е гг. по инициативе Сокольского при этом университете основали Русский клуб, который организовал для академической аудитории и широкой публики курсы русского языка, а также проводил разные мероприятия, знакомящие с русской культурой (песенной, поэтической, танцевальной, кулинарной) и православными церковными традициями. В 1964 г. за научные и педагогические заслуги Сокольский был избран вице-

президентом Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков. Отметим, что в период холодной войны беженцы из СССР были востребованы в американских вузах в качестве экспертов по русскому языку и культуре, по вопросам советской государственности и общественной жизни.

О деятельности Сокольского узнали и за помощью к нему обратились русские из города Сент-Питерсберг, где в 1950–1980-е гг. активно действовал Центр русской эмиграции, нуждавшийся в организаторе культурной жизни ³. По предложению профессора, 9 февраля 1973 г. в соседнем Галфпорте был основан Русско-Американский клуб (РАК), в котором «происходили замечательные культурные мероприятия, ставились театральные постановки, концерты, танцевальные вечера, читались интересные лекции, организовывались выставки. Вся атмосфера была наполнена русской культурой 19 и начала 20 веков» (Пройденный путь 1993). В клубе был создан музыкальный ансамбль «Волга», появились хор и певцы-солисты, издавался устный журнал «Мимоходом, между прочим» (сотрудники журнала читали в основном свои юмористические произведения). Драматический кружок под руководством Сокольского ставил, например, чеховские одноактные пьесы. У клуба был собственный дом, в котором помещались канцелярия и библиотека, устраивались небольшие собрания (Там же).

В деятельности РАК можно найти «литовские» акценты. Среди руководителей клуба были три эмигранта из Литвы с русским корнями. Один из них, потомственный дворянин Василий Олсуфьев (1900–1985), покинул Литву со своей женой Маргаритой Шишко весной 1941 г. в процессе репатриации прибалтийских немцев. До выхода на пенсию он преподавал русский язык в Принстонском университете, а его жена занимала должность секретаря Толстовского фонда (Marcinkevičius 2020, 73). Другим руководителем РАК был Евгений Милин (1916–1921), воспитанник Ковенской русской гимназии, родом из смешанной русско-белорусской семьи. Его отец служил в Ковно на железной дороге, но из-за материальных сложностей отдал сыновей под опеку в состоятельную семью бывшего прокурора Российской империи (Там же). Покровителем прихода св. мч. Андрея Стратилата, состоявшего в юрисдикции Русской зарубежной церкви, был Константин Арцибушев (1921–2017), уроженец Литвы и внук Петра Верёвкина. С начала 1950-х он проживал со своей семьей и матерью в городе Тампа, где вел долгую и успешную практику врача-гинеколога (Marcinkevičius 2016, 22).

В мероприятиях, которые устраивал РАК, принимали участие научные деятели русской диаспоры, в том числе литераторы, работавшие в университетах США и Канады ⁴. Свою общественную работу клуб расценивал «во-первых, как деятельность, направленную на удовлетворение бытовых и духовных запросов русской колонии в целом, а во-вторых,

как представительство русской этнической группировки перед американской общественностью» (Пройденный путь 1993). В Сент-Питерсберге проходил ежегодный фестиваль разных культур, на котором РАК «занимал большой павильон, озаглавленный “Россия”, обрамленный трехцветным национальным флагом, с портретами русских классиков литературы, с выставкой картин с русскими сюжетами». Через этот павильон проходили сотни посетителей, многим из которых впервые узнавали, «кто основал флоридский Санкт-Петербург, что такое самовар и балаалайка? Кем был Пушкин и Лермонтов?» (Там же).

В 1977 г. Сокольский основал в Сент-Питерсберге отдел Конгресса русских американцев (КРА) ⁵. Как руководитель отдела он обратился с петицией к мэру о признании основателем города российского эмигранта Петра Дементьева ⁶. Мэр переадресовал решение вопроса Обществу по истории Сент-Питерсберга, которое признало петицию КРА обоснованной. 20 октября 1977 г. городской Совет признал Дементьева основателем Сент-Питерсберга. По этому случаю, в 1979 г., КРА собрал деньги на открытие небольшого памятника в честь основателя города, который был установлен в парке, названном “Demens Landing”. 11 мая 1979 г. Сокольский выступил с речью на церемонии торжественного освящения памятника. В мероприятии приняли участие мэр города, а также внук Петра Дементьева Петр Толстой (Sokolsky 1998, 103).

В 1988 г. совместными усилиями отделов КРА и РАК, а также приходского совета церкви св. мч. Андрея Стратилата в Сент-Питерсберге было организовано торжественное празднование 1000-летия крещения Руси. По этому случаю Сокольский прочитал доклад о значении принятия древней Русью христианства. В 1991 г., после путча и роспуска коммунистической партии в России, отделы КРА и РАК устроили небольшое торжество с молебном у памятника Дементьеву (Пройденный путь 1993). В перестройку, а также в 1997 г. Сокольский посетил Россию, побывал в Москве, Санкт-Петербурге, Новгороде, Ярославле (Sokolsky 1998: 129–136, 145–149).

Умер профессор А. А. Сокольский 14 декабря 2006 г. в возрасте 103 лет и был похоронен вместе с женой Ириной на местном кладбище Роял-Палм (Royal Palm), где под православными крестами покоится много русских эмигрантов второй и третьей волны.

В заключении отметим, что жизнь Сокольского и его литературное наследие является свидетельством судьбы одного из многих политических беженцев русско го происхождения из Литвы в период Второй мировой войны. О наличии в США русской интеллигенции, принимавшей активное участие в жизни своей диаспоры в межвоенной Литве, свидетельствуют памятники на знаменитых Ново-Дивеевском и Свято-Троицком кладбищах, а также на многих других кладбищах США. Хотя сами по себе могильные плиты еще ничего не говорят об увековеченных на них людях. Для их «прочтения» нужна дополнительная информация,

часть которой находится в архивах Литвы⁷. Но это тема для будущих исследований.

Литература

- Aleksandrov, E.A. (comp.) (2005). *Russkie v Severnoi Amerike. Biograficheski slovar#*. [Russians in North America. Biographical dictionary]. Hèmdèn (USA) – San Francisko (USA) – Sankt Petersburg (Russia).
- Бильвайс, М. [б.д.]. Кабанье нашествие. Личный архив Пьера Сокольского.
- Бок, М. 1992. П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце. Москва: Современник.
- Волков, С. В. 2008. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. Москва: Пашков дом.
- Выпись из метрической книги Ковенского крепостного Петропавловского Собора за 1903 г. Личный архив Пьера Сокольского.
- Добужинский, М.В. 1987. Воспоминания. Подг. Г.И. Чугунов. Москва: Наука.
- Жиглевич, Е. 1979. Русский актер Владимир Бастунов. К 85-летию. Новое русское слово. 12 августа.
- Кобылин, В.С. 1970. Анатомия измены. Император Николай II и Генерал-адъютант Алексеев: истоки антимонархического заговора. Нью-Йорк: Всеславянское издательство.
- Нитобург, Э.Л. 2005. Русские в США. История и судьбы: 1870–1970. Москва: Наука.
- Памятная книжка Ковенской губернии на 1882 год. 1881. Изд. Ковенского губернского статистического комитета.
- Памятная книжка Ковенской губернии на 1897 год. 1896. Изд. Ковенского губернского статистического комитета.
- Полчанинов, Р. 1997. Краткая история разведчества. Режим доступа: <http://www.scouts.ru/library/13662> [см. 19 04 2021].
- Пройденный путь. По случаю 20-летия существования Русско-Американского клуба в Санкт-Петербурге во Флориде. 1993. Брошюра Русско-Американского клуба. Личный архив Пьера Сокольского [Личный архив Пьера Сокольского].
- Прянишников, Б. 1987. Светлой памяти В.С. Кобылина. Голос Зарубежья 44, 4–5.
- Ржечицкий, В. 1930. Постановления 1-го съезда русских руководителей. Наша связь. Вестник о положении русских скаутов в Прибалтике. Декабрь.
- Сокольский, А.А. 1975. Свет и тени = Light and shadows. Florida: Издание автора
- Сокольский, А.А. 1984а. Родные и чужие берега. Флорида [Сокольский, А.А.]. С.К.М. 1984б. В основе их политики всегда лежали ложь, насилие и коварство... Как Советский Союз оккупировал Литву. Русская мысль, 3535, 20 сентября, 12, 14.
- Сокольский, А.А. 1985а. Крылья = Wings: Poems with English translation. Florida.

- Сокольский, А.А. 1985б. Русские в независимой Литве. Новое русское слово. 23 января.
- Сокольский, А.А. 1988. П. А. Дементьев-Деменс – выдающийся русский американец. К столетию основания Санкт-Петербурга во Флориде. 1888–1988. Санкт-Петербург, Флорида: Юг-Издат.
- Сокольский, А. 1994. Мой пройденный скаутский путь. Режим доступа: <http://www.scouts.ru/library/14096> [см. 19 04 2021].
- Сокольский, Анатолий Алексеевич 2005. Александров, Е.А. (сост.) Русские в Северной Америке. Био- графический словарь. Хэмдэн (Коннектикут, США) – Сан Франциско (США) – Санкт Петербург (Россия).
- Соловьев, Е.А. 2018. Расстрелянный Ярославль: историческая панорама трагедии города на Волге. Июль 1918: к 100-летию Ярославского восстания. Ярославль: ООО «Академия 76».
- Хисамутдинов, А.А. 2010. Русские в Америке: проблемы адаптации. Ойкумена. Регионоведческие исследования 4 (15), 9–14.
- Чернай, Александр (архимандрит Алексей). 1981. Жизненный путь русского священника. Сан-Фран- циско: Глобус.
- Burokaitė, J. 1991. Slapyvardis „Diez“. Muzikos barai 4(83), 7–8
- Dvarionaitė, M. 2007. Rostislavas „Lenskis“. Šimtmečio proga prisimenant dainininką ir režisierių Rostislavą Andrejevą. 7 meno dienos, 739, sausio 19 d.
- Gedgaudas, E. 2017. Pravoslaviškos muzikinės impresijos. 7 meno dienos, 4 (1198), sausio 27 d.
- Kasatkina, N., Marcinkevičius, A. 2009. Rusai Lietuvos Respublikos visuomenėje 1918–1940 m. Istorinės retrospektyvos konstravimas. Vilnius: Socialinių tyrimų centras.
- Marcinkevičius, A. 2016. Rusų kilmės Antrojo pasaulinio karo išeiviai iš Lietuvos: socialinio ir kultūrinio portreto metmenys. Oikos: lietuvių migracijos ir diasporos studijos 1(21), 15–28.
- Marcinkevičius, A. 2020. Rusų kilmės Antrojo pasaulinio karo pabėgėlių iš Lietuvos ryšiai su rusų diapora JAV: individualios patirtys. Oikos: lietuvių migracijos ir diasporos studijos 2(30), 61–81.
- Mažintas, E. 1999. Rusų baltagvardiečio sūnus sapnuoja Lietuvą. Respublika, gruodžio 15 d.
- Potašenko, G. 2013. Rusai Lietuvoje 1944 m. liepą–1953 m.: rusų migracijos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos atmintis. Lietuvos rusai XX–XXI a. pradžioje: istorija, tapatybė, atmintis. Sudarė G. Potašenko, P. Lavrinec, A. Marcinkevičius. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 73–182.
- Sokolsky, A.A. 1966. A History of Russian Language. Madrid.
- Sokolsky, A.A. 1970. Russian Literature. XI–XX centuries. Madrid: Tallers graficos de Ediciones Castilla, S.A.
- Sokolsky, A. 1988. Peter Demens (Dementiev): The Founder of St. Petersburg in Florida. St. Petersburg, Florida
- Sokolsky, A. 1998. Trough War Revolution and Peace. Salt Lake City.

References

- Aleksandrov, E.A. (comp.) (2005). Russkie v Severnoi Amerike. Biograficheski slovar#. [Russians in North America. Biographical dictionary]. Hèmdèn (USA) – San Francisko (USA) – Sankt Petersburg (Russia).
- Bil#vajs, M. [b.d.]. Kaban#e nashestvie. [Boar attack]. Lichnyi arkhiv P#era Sokol#skogo. [Private archive of Pierre Sokolsky].
- Bok, M. (1992). P.A. Stolypin, in Bok, M. Vospominaniya o moem ottse. [Memoirs about my father]. Moscow: Sovremennik Publ.
- Burokaitė, J. (1991). Slapyvardis „Diez“. [The nickname “Diez”]. Muzikos barai. [Bars of music], 4(83), pp. 7–8.
- Chernai, Aleksandr (arkhimandrit Aleksii). (1981). Zhiznennyi put# russkogo sviashchennika. [Path of life of Russian priest]. San-Francisko: Globus Publ.
- Dobuzhinskii, M.V. (1987). Vospominaniya. [Memoirs]. Ed. by G.I. Chugunov. Moscow: Nauka Publ.
- Dvarionaitė, M. (2007). Rostislavas „Lenskis“. Šimtmečio proga prisimenant dainininką ir režisierių Rostislavą Andrejevą. [Rostislav “Lenski”. Remembering singer and director Rostislav Andreev on occasion of 100th anniversary]. 7 meno dienos [7 days of art], 739, 19 January.
- Gedgaudas, E. (2017). Pravoslaviškos muzikinės impresijos. [Orthodox musical impressions]. 7 meno dienos [7 days of art], 4 (1198), 27 January.
- Kasatkina, N. and Marcinkevičius, A. (2009). Rusai Lietuvos Respublikos visuomenėje 1918–1940 m. Istorinės retrospektyvos konstravimas. [Russians in the society of Republic of Lithuania in 1918–1940. Constructing historical perspective]. Vilnius: Eugrimas Publ.
- Khisamutdinov, A.A. (2010). Russkie v Amerike: problemy adaptatsii. [Russians in America: problems of adaptation]. Ojkumena. Regionovedčeskie issledovanija. [Oikumena. Regional studies], 4 (15), pp. 9–14.
- Kobylin, V.S. (1970). Anatomiya izmeny. Imperator Nikolai II i General-ad#yutant Alekseev: istoki antimonarkhicheskogo zagovora. [Anatomy of treason: Emperor Nicholas II and adjutant general Alekseev: the origins of anti-monarchist conspiracy]. New York: Vseslavyanskoe izdatel#stvo Publ.
- Marcinkevičius, A. (2016). Rusų kilmės Antrojo pasaulinio karo išeiviai iš Lietuvos: socialinio ir kultūrinio portreto metmenys. [Émigrés of Russian origin from Lithuania during World War II: features of social and cultural portrait]. Oikos: lietuvių migracijos ir diasporos studijos. [Oikos: Lithuanian migration and diaspora studies], 1(21), pp. 15–28.
- Marcinkevičius, A. (2020). Rusų kilmės Antrojo pasaulinio karo pabėgėlių iš Lietuvos ryšiai su rusų diapora JAV: individualios patirtys. [Relation of Russian refugees of World War II from Lithuania to Russian Diaspora in the USA: Analysis of individual experiences]. Oikos: lietuvių migracijos ir diasporos studijos. [Oikos: Lithuanian migration and diaspora studies], 2(30), pp. 61–81.
- Mažintas, E. (1999). Rusų baltagvardiečio sūnus sapnuoja Lietuvą. [Son of White officer dreams of Lithuania]. Respublika [Republic], 15 December.

- Nitoburg, E.L. (2005). *Russkie v SShA. Istoriya i sud#by: 1870–1970*. [Russians in the USA. History and destinies: 1870–1970]. Moscow: Nauka Publ.
- Pamyatnaya knizhka Kovenskoj gubernii na 1882 god. [Commemorative book of the Kovno province for 1882]. 1881. Izd. Kovenskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta Publ.
- Pamyatnaya knizhka Kovenskoj gubernii na 1897 god. [Commemorative book of the Kovno province for 1887]. 1896. Izd. Kovenskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta Publ.
- Polchaninov, R. (1997). *Kratkaya istoriya razvedchestva*. [A brief history of scouting]. Available at: <http://www.scouts.ru/library/13662/> (Accessed: 19 April 2021).
- Potashenko, G. (2013). *Rusai Lietuvoje 1944 m. liepą–1953 m.: rusų migracijos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos atmintis*. [Russians in Lithuania since July 1944 to 1953: migration of Russians and memory of Lithuanian Grand Duchy], in Potashenko G., Lavrinec P. and Marcinkevičius A. (ed.) *Lietuvos rusai XX–XXI a. pradžioje: istorija, tapatybė, atmintis*. [Lithuanian Russians in the 20th and beginning of the 21st century: history, identity, memory]. Vilnius: Vilniaus universiteto Publ., 73–182.
- Pryanishnikov, B. (1987). *Svetloi pamyati V.S. Kobylina*. [In the loving memory of V.S. Kobylin]. *Golos Zarubezh#ya*. [Voice of abroad], 44, pp. 4–5.
- Proidennyi put#. *Po sluchayu 20-letiya sushchestvovaniya Russkogo-Amerikanskogo kluba v Sankt-Peterburge vo Floride*. (1993). [Distance traveled. On the occasion of the 20th anniversary of the existence of the Russian-American Club in St. Petersburg, Florida]. Broshyura Russkogo-Amerikanskogo kluba. [Brochure of American Russian club]. Lichnyi arkhiv P#era Sokol#skogo [Private archive of Pierre Sokolsky].
- Sokol#skii, A.A. (1975). *Svet i teni = Light and shadows*. Florida
- Sokol#skii, A.A. (1984a). *Rodnye i chuzhie berega*. [Native and foreign shores]. Florida.
- Sokol#skii, A.A. (1984b). *V osnove ikh politiki vsegda lezhali lozh#, nasilie i kovarstvo... Kak Sovetskii Soyuz okkupoval Litvu*. [Their policies have always been based on lies, violence and deceit... How the Soviet Union occupied Lithuania]. *Russkaya mysl#*. [Russian thought], 3535, 20 September, pp. 12–14.
- Sokol#skii, A.A. (1985a). *Kryl'ya = Wings: Poems with English translation*. Florida.
- Sokol#skii, A.A. (1985b). *Russkie v nezavisimoi Litve*. [Russian in independent Lithuania]. *Novoe russkoe slovo*. [New Russian word], 23 January.
- Sokol#skii, A.A. (1988). *P.A. Dement#ev-Demens – vydayushchiysya russkii amerikanets. K stoletiyu osnovaniya Sankt-Peterburga vo Floride*. [P.A. Dementiev-Demens – famous American Russian. To 100th anniversary of founding of Saint Petersburg in Florida]. 1888–1988. SPb., Florida: Jug-Izdat Publ.
- Sokol#skii, A. (1994). *Moi proidennyi skautskii put#*. [My scouting path]. Available at: <http://www.scouts.ru/library/14096> (Accessed: 19 April 2021).
- Sokol#skii Anatolii Alekseevich. (2005), in Aleksandrov, E.A. (ed.). *Russkie v Severnoi Amerike. Biograficheskii slovar#*. [Russians in North America. Biographical dictionary]. Hèmdèn (USA) – San Francisko (USA) – Sankt Petersburg (Russia).

- Sokolsky, A.A. (1966). A History of Russian Language. Madrid.
- Sokolsky, A.A. (1970). Russian Literature. XI –XX centuries. Madrid: Tallers graficos de Ediciones Castilla, S.A. Publ.
- Sokolsky, A. (1988). Peter Demens (Dementiev): The Founder of St. Petersburg in Florida. St. Petersburg, Florida.
- Sokolsky, A. (1998). Trough War Revolution and Peace. Salt Lake City.
- Solov#ev, E.A. (2018). Rasstrelyannyi Yaroslavl#: istoricheskaya panorama tragedii goroda na Volge. Iyul# 1918: k 100-letiyu Yaroslavskogo vosstaniya. [Shot down Yaroslavl: historical panorama of the tragedy of the city on the Volga. July 1918: to the 100th anniversary of the Yaroslavl uprising]. Yaroslavl: ООО «Akademija 76» Publ.
- Vypis# iz metricheskoi knigi Kovenskogo krepostnogo Petropavlovskogo Sobora za 1903 g. [Extract from the metric book of the St. Peter and Paul garrison Cathedral for 1903]. Lichnyi arkhiv P#era Sokol#skogo. [Private archive of Pierre Sokolsky].
- Volkov, S.V. (2008). Russkaya voennaya emigratsiya: izdatel#skaya deyatel#nost#. [Russian military emigration: publishing activity]. Moscow: Pashkov dom Publ.
- Zhiglevich, E. (1979). Russkii akter Vladimir Bastunov. K 85-letiyu. [Russian actor Vladimir Bastunov. To the 85th anniversary]. Novoe russkoe slovo, 12 August.

СНОСКА

- 1 Членами дружины были дети российских офицеров и чиновников, государственных и частных служащих Литвы: внуки Петра Верёвкина Константин и Петр Арцибушевы, сыновья членов Ковенского окружного суда Михаил Бильвайс, Виктор Кобылин, Олег и Игорь Перекрёстовы, сын председателя канцелярии дворянского собрания Поневежского уезда Андрей Рисов, дочери члена общества «Учение-Свет» и Ковенского общества русского мелкого кредита Михаила Измайлова Ксения и Екатерина, внук профессора Платона Янковского Даниил Карабинович и др. Отрядом герлз-скаутов руководила Инна Добберт. С 1927 по 1940 г. дружиной руководили поочередно Виктор Ржечицкий, Андрей Рисов и Игорь Перекрёстов. Члены, разделявшие политические взгляды русской эмиграции, вступали в филиал Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС), основанный в Ковно в 1931 г. Среди них были О. Перекрёстов, В. Кобылин и Венедикт Абданк-Коссовский – известные борцы с коммунистической идеологией после Второй мировой войны (Marcinkevičius 2020: 72).
- 2 Основателями кружка были авторитетные деятели русской общины в Литве: генерал-лейтенант Литовской армии Иосиф Кравцевич, врач-хирург Виталий Гусев, адвокат Иван Татаринцев, учителя Ковенской русской гимназии Александр Тыминский, Юрий Коврыгин и Владимир Кришпинович, члены русских благотворительных организации Наталия Арцибушева, Раиса Лелеева и др. (Там же, 71).
- 3 В 1948 г. в городе образовалась православная община, усилиями которой был приобретен участок земли и построена церковь в честь св. мч. Андрея Стратилата. Среди основателей общины был полковник белых войск Восточного фронта Лев Бек-Мамедов и офицер Добровольческой армии, основатель Всероссийской Фашистской Организации Анастасий Вонсяцкий (1898–1965). С другой стороны, Санкт-Петербург, как и его пригород Голфпорт стал популярным местом проживания пенсионеров,

- среди которых оказалось несколько сотен русских эмигрантов второй и третьей волны.
- 4 С 1973 по 1993 г. в РАК было прочитано больше 100 лекций о русской истории и культуре или о событиях в России. Лекции читали христианский поэт и прозаик Родион Березов (1896–1988), писатели, литературоведы и публицисты Ростислав Плетнев (1903–1985), Павел Пагануцци (1910–1991), Владимир Седуро (1910–1995), Николай Первушин (1899–1993), Игорь Новосильцов (1905–2002), геофизик Вацлав Федукович (1897–1979) и др. (Пройденный путь 1993).
 - 5 Конгресс русских американцев (Congress of Russian Americans) был основан в 1973 г. русскими иммигрантами, отрицающими коммунистическую идеологию. КРА ставил своей целью борьбу с русофобией, отстаивал различие между российской национальной идентичностью и советской коммунистической идеологией. 7-го ноября КРА ежегодно отмечал День памяти жертв коммунизма.
 - 6 П. А. Дементьев, бывший офицер лейб-гвардии и предводитель дворянства в Тверской губернии, с 1882 г. жил в США, был хозяином лесопилки во Флориде, строил здания для железнодорожной компании “Orange Belt”. Будучи акционером, он занял пост президента компании и построил железную дорогу от Сэнфорда до Пинеллас Пойнт на Мексиканском заливе. Его компаньоном был генерал в отставке армии США Джон Вильямс, который отвел 250 акров земли для того, чтобы Дементьев провел рельсы до берега реки Ист-Бэй. В 1888 г. на этой земле Дементьев основал поселение, которое назвал Сент-Питерсбергом в честь столицы Российской империи. Дементьев построил железнодорожную станцию и мол, углубил гавань, подготовил план города и согласовал его с властями города Тампа (Александров 2005, 170).
 - 7 На кладбище Ново-Дивеевского женского монастыря в местечке Нануэт (Napuet, недалеко от Нью-Йорка) можно найти места захоронения актера и режиссера Ковенского русского драматического театра Владимира Бастунова-Корчинского (1894–1986), сына профессора Платона Янковского, бывшего руководителя Объединения русских студентов в Университете им. Витаутаса Великого Георгия Янковского (1907–1989) и его жены Валентины Добкевич (1903–1978), сестры лётчика-конструктора Юргиса Добкявичюса, а также поручика кошаковской армии родом из Укмярге Бориса Корабликова (1898–1986) и др. На кладбище Свято-Троицкого мужского монастыря в Джорданвилле (Jordanville) находится могила протоиерея Герасима Шореца (1886–1966), многолетнего настоятеля (1925–1943) Паневежской Воскресенской церкви и основателя православного храма в Лос-Анджелесе. На кладбище православного Тихоновского монастыря в городке Саут-Кейнан (South Canaan, штат Пенсильвания) похоронен Василий Каменский (1895–1982), богослов и историк церкви, бывший секретарь главы Литовской епархии митрополита Елевферия (Богоявленского), занявший в США должность профессора Свято-Тихоновской православной семинарии с 1950 по 1962 г. Среди беженцев из Литвы были священник Александр Чернай (1901–1981), бывшие офицеры Русской армии и ветераны разных военных компании Борис Бок (1879–1955), Георгий Бабушкин (1878–1954), Александр Лепеха (1890–1974), Александр Солдатенков (1896–1984), Федор Скрьдлов (1884–1965), Георгий Калиский (1890–1980), балерины ковенского Государственного театра Надежда Калисская (1902–1991) и Татьяна Бабушкина (1912–1990), бывшие члены православных обществ Вера Королева (1901–1977), Нина Ильяевич (1892–1975) и др. (см. подробнее: Marcinkevičius 2016, 2020).